
Раиса Блох
МОЙ ГОРОД
Петрополис
З.

PETROPOLIS

МОЙ ГОРОД

Настоящая книга отпечатана в типографии Бр. Гиршбаум в Берлине и поступила в продажу 12-го января 1928 года в день десятилетия издательства „Петрополис“

РАИСА БЛОХ

МОЙ ГОРОД

ПЕТРОПОЛИС
1928

Светлой памяти
моей матери.

Мне был отчизной город белый,
Где ветер треплет вымпела,
И оттого я звонко пела
И беззаботная жила.

Мне был дорогой снег широкий,
Светлей и тише тишины,
И оттого я знала сроки
Ручьев, и солнца, и весны.

Мне был звездой корабль червонный
На тонком шпиле вознесен,
Плывущий в синий, многозвонный,
Неугасимый небосклон, —

И оттого куда б ни шла я,
Который день, который год,
Звезда нетленно-золотая,
Передо мною восстает.

1926.

Сегодня солнце желтое, как мед.
Сегодня птицы в небесах поют.
О, светлых дум безгрешный водомет
Дневных лучей сверкающий приют!

Пусть вихрь морской упорен и жесток,
И в белый панцырь заключен гранит, —
Из года в год струящийся поток
В моей душе немолчно говорит.

Ты снова грустен, мой друг, мой милый,
Нахмурил брови и губы сжал.
Я знаю, люди к тебе жестоки
И мало света в моих глазах.

Я знаю давит звериным гнетом
Забота жизни, такой пустой.
Смотри, скончался огромный город:
С вершин соборов горят кресты.

1919.

Милый, светлый, синий воздух!
Тихих улиц белый камень!
Незабвенное сегодня!
Золотой весенний праздник!
Целый день лежу в постели,
Все сильнее лихорадка,
А напротив блещут стекла
От невидимого солнца.
На Неве, я знаю, льдины, —
Словно парусные лодки,
А над ними ходит ветер,
Злой, веселый, сумасбродный,

И я знаю, ровный берег
Залит весь победным светом,
И под'яты в славословьи
Тонкий шпиль и круглый купол.

Я теперь, как девочка, играю,
И с тобой мне весело итти
По родному северному краю,
Где легли зеленые пути.

Ты уйдешь, а я роптать не буду,
Только громко, громко запою
О покорности великой чуду,
О великой радости в раю.

И поток времен неторопливый
Принесет мне в душу забытье.
Будут люди звать меня счастливой
За мое бездумное житье.

А когда откроется могила,
И заглянет смерть через плечо,
Я скажу, что я тебя любила
Безнадежно, нежно, горячо.

1920.

Нам не долго странствовать болотами,
Мимо пней по ледяным извилинам,
Где открыт простор за поворотами
Только ночью желтоглазым филинам.

Нам не долго пробираться по лесу,
Не найдя покинутое логово,
И брести к серебряному полюсу
Во владенья волка длинноногого.

Все светлей за дальними туманами
Звезды катятся стезями вольными
Над необозримыми полянами,
Над деревьями широкоствольными.

Все слышней чрез пустыри окрестные
Голоса звучат червонным золотом,
А на высях плотники небесные,
Строя кельи, ударяют молотом.

И не страшно отойти в обители,
Где покои странным уготованы,
И стоят у входа небожители,
Молодой березой коронованы.

1920.

БАТРАК

Это только теперь я стражду
Батраком под отцовским кровом
И ношу тяжелые ноши
И недобрые слышу речи;
На дворе подметаю мусор,
В огороде копаю гряды,
И оглядываюсь на небо
Взором загнанного волченка.

Это только теперь за мною
Неотступное бродит горе:
На работу пойду — ударит,
Сяду в тень отдыхать — прогонит.
От него иссякают мысли,
От него умирают песни,
У него железные когти,
И скрипит оно, как телега.

Будет время, уйду из дому,
— В огород, скажу, за лопатой —
И дворовых псов не окликну
И зерна голубям не брошу.
Никогда не вернусь обратно,
Никому не скажу спасибо.
Я пойду за своей удачей
Нищим странником по дорогам.

1920.

ПАЛОМНИК

Пришел паломник из дальних мест,
Принес он посох слепых царей
И лунный камень, и черный крест,
И ожерелье из янтарей.

Отец на работу послал меня,
А я к паломнику пошла,
И я узнала, что купола
Зажглись от звездного огня.

Отец сказал: „Принеси мне дров",
А паломник сказал: „Пойдем со мной,
Туда, где чист небесный кров,
Куда не закатится шар земной".

И я за паломником уйду,
Не замечая дорожных вех,
На тысячегранную звезду,
На самую светлую из всех.

А если отец спросит кого,
Куда девалась дочь его,
Ответь: „Где раньше были дрова,
Взошла сегодня Горынь-трава“.

ВОРОБЕЙ

Все мы птицы, все певуньи,
Только разные песни у нас,
И одна поет в новолунье,
А другая в рассветный час.

И одна к синеве и славе
Молодой стремит полет,
А другая в ржавой канаве
Собирает, что Бог пошлет.

А я маленький воробей:
На заборе нас немало есть.
Из пращи меня не убей,
Дай допеть мою дикую весть, —

Все о лужах пути Господня,
О зерне заоблачных стран
И о том, что мне сегодня
Безголосому голос дан.

Всякому в мире свое дано.
Всякому в мире - свой удел:
Камень зарылся в морское дно,
Сизый орел высоко взлетел.

А я не орел и не камень я,
Течет и проходит жизнь моя,
Пустой ручей, а мой дух ничей,
И брошен он Богом в царство лучей.

Ты приди, приди, весна,
Ты меня убей,
Чтоб я встала ото сна,
Чтоб я знала, как ясна
Синева зыбей.

Не видать кругом ни зги.
Мне темно и днем.
Помоги мне, помоги,
Тело грубое сожги
Золотым огнем.

Глянет зорька, хороша,
И растает грязь.
В небе крыльями шурша,
Полетит моя душа,
Полетит, дивясь.

Никуда не надо ходить,
Никого не надо искать.
Заслони рукою глаза,
В самый темный угол садись.

И к тебе из мрака придет,
Тише вод и чище высот,
И не скрипнув дверью тугой,
Прямо в душу, твой дорогой.

Посмотри на меня: я такая, как все,
Не сильней, не мудрей, не смелей,
И, как ты, я иду по вечерней росе,
И с тобой прохожу золотую межу
И дышу благовоньем полей.

Только в сердце моем много птиц, много пчел,
Пролетает и тает звеня,
И ты слышал их гам, и ты видел их там,
И ты дикую песню сегодня прочел,
На рассвете целуя меня.

В синем море такая тишь,
В синем небе такая гладь.
Ты мне радостно петь велишь,
Ты велишь мне петь и гадать:

О безоблачной вышине,
О незыблемой тишине,
И о том, что тебе и мне
Суждено потонуть в огне.

Хорошо, что в сердце голубок живет,
И крылами плещет и воркует он,
А не то вовеки не узнать бы мне,
Что живое сердце у меня в груди.

Хорошо, что милый заглянул в окно:
„Погоди, подруга, погоди еще“,
А не то давно бы воротилась я
В голубое море, где плывут миры.

Верить я теперь не стану
Никому и никогда:
Укатилась за поляну
Золотистая звезда.

Путь лесной был глух и долог,
Но звезда была светла,
И я шла не видя елок,
Не считая терний, шла.

Знала я — Господня милость
К Вифлеему приведет.
Как случилось, как случилось,
Что затмился небосвод!

Что ж, одна пройду поляну,
Долю темную приму,
Только верить я не стану
Никогда и никому.

Две звезды на небе загорелись,
Две звезды горели и мерцали.
Я молилась этим звездам светлым
И других созвездий не видала.

Две звезды упали в глубь морскую,
Золотой дугой упали в воду.
Я молиться больше не умею.
Что мне делать... Господи помилуй!

Уходило солнце за горы,
Уплывала любовь за море.
За горами умерло солнце,
А любовь за морем погасла,
И теперь одна
Синева видна,
А и в ней не измерить дна.

Мне куда деваться усталой?
Стану я на дороге талой,
Да про то спою,
Как в синем раю
Греет солнце любовь мою.

О милом солнце только вспоминай,
О милом друге позабудь навеки.
Не для тебя благоухает май,
Огнем лазурным истекают реки.
Все, что звала и пела ты, любя,
Не для тебя.

И если светом зацветает высь,
И радуги, и радуги зажглись,
Знай, не тебя они зовут в дорогу:
Над черным полем, в воздухе пустом
Не ты пройдешь сверкающим мостом
В обитель к Богу.

За окошком утро расцвело,
По дорожкам солнце потекло,
И тепло на сердце и светло.

Это значит, сбылись времена,
Это значит, ты пришел назад.
О мой милый, милый, я верна.
Ты войди в мой золотистый сад.

Белая птичка, лети, лети
На золотистые пути,
Где ветер тих, и где воздух чист,
И где светится солнцем каждый лист.

Ранняя песня, звучи, звучи
В небе, где падают лучи.
Громче звени, чтобы знали они
Про ту, которой не спится в ночи.

1921. Ноябрь.

Синей влагой, золотым туманом,
Семицветными струями радуг
Я слепое сердце напоила
И сказала милому: „Приди:

В нашем городе светлы дороги,
В нашем городе холмы пологи,
И тебя я встречу на пороге,
И прижму тебя к моей груди".

Много поет соловей счастливый,
Часто поет в лесу кукушка,
Есть у зяблика напевы,
Есть и у сердца благая весть.

Солнышком все оно согрето,
Радости все оно открыто, —
Знойного лета, синего скита
Разве не может оно обресть?

В тихом поле сердцу отрадно:
Ходят рыбы в речке прохладной,
Смотрит небо в желтые нивы,
Колос к колосу льнет ленивый,
А тому, кто один у Бога,
Много дорог и золота много.

1923. Salzschlirf.

САРКОФАГ

В Палестине собирают виноград,
Желтым солнцем напоенные плоды,
Пляшут ангелы у мраморных колонн,
Заливаются на лозах соловьи.

Спи спокойно в белом гробе, тихий брат.
В день обещанный ты будешь воскрешен.
О зеленые эдемские сады!
Иорданские прозрачные струи!

Как мне легко вспоминать об этом,
О том, что будет со мной в конце,
Когда я прощусь с золотистым светом,
Когда я утихну в моем Отце.

Ни радугой чистой, ни звездою
Не станет в мире душа моя.
Я только землею лицо покрою,
Я только забуду, что это я.

И будут плыть небеса, пылая,
И деревья шуметь и трава расти,
И ведь только затем на земле жила я,
Чтоб ничем не быть и во всем пройти.

1924.

ПЕСНЯ

Птицы гнезда вьют весной,
За волчицей ходит волк,
По дорожке, по лесной
Стелет солнце желтый шелк
И, куда б ты ни пришел,
Всюду звон и торжество.
Отчего же, отчего
Не дождаться мне его?

Сизым вечером — туман,
Теплой ночью — месяц чистый,
Через синий океан
Облака плывут лучисты.
В каждом вздохе, в каждом свисте
Голос друга моего.
Отчего же, отчего
Не дождаться мне его?

Когда одной осталась,
И стало мне темно,
Ко мне пришла усталость
В открытое окно.

Широкою волною
Упала мне на грудь.
„Я всю тебя покрою,
Не стоит . . . позабудь."

Мне снилось — о, если бы было,
То, что мне Бог открыл! —
Мне снилась моя могила:
Над нею птица кружила
Серпами черными крыл.

Мне снились дальние звоны
— Откуда они, скажи? —
И жаркого неба склоны
Стекали на лес зеленый,
На желтое поле ржи.

И было мне так спокойно,
Так сладко было мне
Под этой рекою знойной,
Под этой волною хвойной
Глубоко лежать, на дне.

1926. Июль.

Над домами дым и глина,
А на улицах вода.
О, дождливого Берлина
Ненавистная страда!

Вот идут, идут рядами,
Не поймешь, не знаешь кто,
С глянцевитыми зонтами
В прорезиненых пальто.

И какое же им дело
До зеленых зеленей,
До дороги почернелой,
Да про то, что прилетела
Птица радости моей.

1927. Март.

Опять открытый новым песням
Мой дух зовет, неукротим:
„Навстречу радости воскреснем,
Навстречу солнцу полетим.“

Зачем, куда? Землею стало
Все, что когда-то было мной.
Мой белый день, мой свет родной
Глухая ночь заколдовала.

Зачем? Мой город не вернуть,
Тот золотой, широкозвонный:
Его коснулась тленья муть,
Обвеял холод похоронный.

Зачем? Друзей не дозовусь:
Один за пенными морями,
Другой за снежными горами,
А здесь со мной подруга грусть.

И та, что солнцем мне была,
Звездою верной мне светила,
О ней звенят колокола
И отняла ее могила.

1927. Май.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

стр.

